

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ НЕРАВЕНСТВА ДОХОДОВ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ*

МАЛКИНА МАРИНА ЮРЬЕВНА,

доктор экономических наук,
профессор кафедры экономической теории и методологии,
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород,
e-mail: mmiri@yandex.ru

Предметом исследования данной статьи является межличностное неравенство доходов в России и в мире и его институциональные основы. На базе углубленного анализа литературы исследуются причины и последствия неравенства, его взаимосвязи с экономическим развитием. Выделены четыре основные причины неравенства доходов: естественные и приобретенные качества людей; статусные различия и их ограничения; различия в производительности труда и особенностях развития отраслей; распределение накопленного имущества, а также динамика доходов на активы и особенности их оценки. С помощью расчета ряда обобщающих коэффициентов (вариации, Джини, Гувера, Тейла, Тейла-Бернулли, Аткинсона) для российской экономики подтверждена положительная связь между среднеотраслевым уровнем заработной платы и ее внутриотраслевой дифференциацией, в большей степени проявляющаяся в негосударственном секторе экономики. Обнаружено сближение степени дифференциации зарплат в государственном секторе экономики России с негосударственным сектором, при отсутствии в первом связи внутриотраслевых различий заработной платы с ее среднеотраслевым уровнем, что позволило сделать вывод об ухудшении институциональной среды в госсекторе.

Во второй части работы выделяются и анализируются два подхода к влиянию институциональной среды на неравенство: подход Т. Пикетти (согласно которому растущее неравенство есть результат закономерного функционирования рыночных институтов вообще), подход Д. Асемоглу и др. (неравенство связано с качеством институтов в конкретной среде, которое формируется во многом эндогенно). Склоняясь больше ко второй точке зрения, мы исследуем связь неравенства с взаимно обуславливающими друг друга политическими и экономическими институтами. Отдельно исследуется влияние на неравенство в распределении доходов институтов рынка труда и общественного сектора экономики, а также степени открытости экономики. Обобщаются подходы к воздействию неравенства в распределении доходов на экономическое развитие, политические процессы и социальное самочувствие населения. Выдвигается ряд предложений по управлению институциональной средой в целях снижения неравенства и его приближения к некоему оптимальному для экономики уровню.

Ключевые слова: неравенство; доходы; зарплата; дифференциация; индексы; институциональная среда; кривая Кузнеца; благосостояние.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Взаимосвязь неравномерности распределения доходов с экономическим развитием регионов Российской Федерации» № 15-02-00638.

INSTITUTIONAL FRAMEWORK OF INCOME INEQUALITY IN MODERN ECONOMY

MALKINA MARINA, YU.,

*Doctor of Economics (DSc),
Professor of the Department of Economic Theory and Methodology,
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhny Novgorod,
e-mail: mmuri@yandex.ru*

The subject of this paper is interpersonal income inequality in Russia and in the world and its institutional framework. On the basis of in-depth analysis of the literature we explore the causes and consequences of inequality and its relationship with economic development. We distinguish four basic causes of income inequality: natural and acquired features of people; status differences and their limitations; differences in productivity and development peculiarities in various industries; uneven distribution of accumulated property, as well as the return on assets in dynamics and assets assessment characteristics. By means of the calculation of a number of generalizing measures (coefficient of variation, Gini, Hoover, Theil, Theil-Bernoulli and Atkinson indexes) for the Russian economy we revealed a positive relationship between the average level of wages in industries and its intra-differentiation, which is more typical for the private sector of the economy. At the same time it has been found convergence in salaries differentiation in the public sector of the Russian economy to salaries differentiation in the private sector, while there is not confirmed any correlation between wage level and intra-wage differences in the public sector industries. It enabled us to conclude about the deterioration of the institutional environment in the public sector.

In the second part of our paper we compared two approaches to the role of institutional environment in inequality: the approach of T. Piketty (according to which rising inequality is the result of market laws and market institutions in general), and the approach of D. Acemoglu and others (inequality is due to the bad quality of institutions, which is formed largely endogenously in a particular environment). Bending over to the second point of view, we analyzed the relationship between inequality and interdependence of political and economic institutions. In particular, we examined the impact of the labor market and the public finance institutions, as well as the degree of openness of the economy on income inequality. The paper summarizes the approaches to the effects of income inequality on economic development, political processes and social well-being of population. It puts forward a number of proposals to manage institutional environment in order to bring inequality closer to its optimal economic level.

Keywords: *inequality; income; salary; differentiation indices; institutional environment; Kuznets curve; wealth.*

JEL: *D31, O43.*

Неравенство доходов населения в последнее время превратилось в одну из наиболее важных тем экономических исследований. Вышедшая в 2013 году книга Т. Пикетти «Капитал в 21 веке» (перевод на русский язык: (Пикетти, 2015)), ставшая экономическим бестселлером последних лет, в большей своей части посвящена растущему неравенству в современном мире. Нобелевская премия по экономике 2015 года присуждена британскому и шведскому экономисту А. Дитону «за анализ потребления, бедности и благосостояния», в котором проблеме неравенства также уделялось весьма важное место. Причинам, взаимосвязям и последствиям неравенства доходов посвящали свои исследования такие известные зарубежные экономисты, как Д. Асемоглу, Г. Колодко, П. Кругман, Дж. Стиглиц и др. Проблема неравенства доходов является ключевой темой исследований Э. Аткинсона, Э. Саэза, Б. Милановича и др.

Исследователей, как правило, интересуют три среза неравенства: 1) масштабы неравенства и их динамика; 2) неравенство, обусловленное бедностью; 3) доходы 1% наиболее обеспеченных людей¹. Для измерения неравенства существует ряд подходов и обобщающих коэффициентов (коэффициенты вариации, Джини, Тейла, Аткинсона и пр.). Однако, по справедливому утверждению Т. Пикетти, общие коэффициенты неравномерности доходов не столько проясняют, сколько вуалируют неравенство, представляя его в некотором обобщенном виде, тогда как для исследователя должно представлять интерес само распределение доходов между группами (Пикетти, 2015. С. 264-265). По мнению ученого, наибольшего внимания должны заслуживать доходы бедных и доходы верхней децили или перцентиля (1%). Отечественные исследователи Шевяков А. Ю. и Кирута А. Я., использовавшие в качестве измерителя неравенства коэффициент Джини, предложили разграничивать разные типы неравенства - обусловленного концентрацией и поляризацией доходов (Шевяков и Кирута, 2009). Для выявления неравенства внутри групп и между группами зарубежными исследователями используется декомпозиция коэффициента вариации и индекса Тейла. Индекс Тейла, в основе которого лежат логарифмические шкалы оценки, обычно также представляется в двух видах – как показатель энтропии Тейла, проявляющий чувствительность к неравенству в верхней группе доходов, и показатель Тейла-Бернулли, проявляющий чувствительность к неравенству в нижней группе (Балацкий и Саакянц, 2006). В некоторых более поздних исследованиях были предложены также подходы к декомпозиции коэффициента Джини (Rogerson, 2013), хотя ранее считалась одним из его недостатков невозможность разделения на субгруппы и выявления факторов.

Для исследования неравенства обычно используются данные о распределении доходов, а также потребления и богатства. Отдельные исследователи за основу берут данные об индивидуальных доходах, потреблении и богатстве, другие – о доходах, потреблении и богатстве домохозяйств (особенно учитывая тот факт, что ими формируются общие фонды денежных средств, а некоторые приобретаемые товары являются благами совместного пользования). Также исследуется распределение совокупных и располагаемых доходов (остающихся после уплаты налогов), проводится декомпозиция неравенства доходов, формируемых за счет разных источников (Cowell and Fiorio, 2011; Суворов и др., 2014). Наконец, современные исследователи изучают разные типы неравенства в распределении доходов: межличностное, межрегиональное и даже межэтническое (например, (Alesina, Michalopoulos and Papaioannou, 2016)).

Причины неравенства

Неравенство может быть обусловлено целым комплексом причин, которые можно сгруппировать следующим образом.

1. *Естественные и приобретенные различия людей.* Люди отличаются по своим интеллектуальным и физическим способностям, состоянию здоровья, психологическим качествам (в частности, предприимчивости и деловитости, склонности к риску, коммуникабельности), мобильности, уровню образования, контактными группам (семья и пр.). Важную роль в развитии возможностей человека играют стартовые условия, наследуемое богатство и полезные связи и пр. В связи с этим в зарубежной литературе выделяется ряд исследований, объясняющих неравенство доходов населения различиями в качестве человеческого капитала (endowments). Например, в (Erosa, Koresheva and Restuccia, 2010) исследуется взаимосвязь между инвестициями в человеческий капитал, производительностью фактора труд и дифференциацией доходов. Ряд работ, например (Lynn and Vanhanen, 2012), посвящен анализу взаимосвязей интеллектуальных способностей людей, измеряемых в частности IQ, и уровня среднедушевых доходов, в том числе на международном уровне.

¹ Например, в США совокупные доходы 1% наиболее обеспеченных домохозяйств выросли с 8% в 1979 году до 17% в 2007 году (Howarth and Kennedy, 2016. P. 232).

2. *Статусные различия.* Данная группа факторов тесно связана с предыдущей, но в то же время может рассматриваться как самостоятельная. Занимаемые должности становятся источником дополнительной ренты в тех сферах деятельности, где существуют определенные преимущества, либо открыт доступ к общественным ресурсам. По словам А. Ю. Шевякова и А. Я. Кируты, «за счет экономических, институциональных и организационных барьеров неравенство доходов может превосходить (и часто на самом деле значительно превосходит) неравенство человеческих характеристик» (Шевяков и Кирута, 2009. С. 17). А «... статусные позиции в корпоративных и государственных организационных структурах тоже являются источниками социально-экономических преимуществ, конвертируемых в богатство» (Там же. С. 18). Накопление богатства и достижение высоких статусов в этих структурах «не связаны однозначно с человеческими способностями и часто зависят от наличия влиятельных связей, использования инсайдерской информации и других аспектов асимметрии информации и доступных возможностей» (Там же. С. 18). В таких случаях выгоду приносят не только инвестиции в человеческий капитал, но и инвестиции в связи и отношения.

В экономиках со слабой институциональной средой, низким качеством институтов важную роль в продвижении людей играет блат (Барсукова и Леденева, 2014; Малкина, 2015). В таких экономиках приобретённый статус человека связан не только (а иногда и не столько) с его заслугами, сколько с реализуемыми стратегиями продвижения к власти. С другой стороны, приобретенный статус не только и столько порождает круг обязанностей и масштаб ответственности, сколько возможность неподконтрольного распоряжения финансовыми ресурсами, а также использования власти для получения услуг разного характера от других людей, в том числе в форме лояльности.

3. *Различия в сферах деятельности, занятости в отраслях экономики.* В любой диверсифицированной экономике наблюдаются отраслевые различия в уровне заработной платы у работников схожих профессий, занимающих схожие должности. Это объясняется, прежде всего, разной конкурентностью отраслевых рынков, наличием естественных и искусственных барьеров доступа в них. Очевидно, зарплата бухгалтера в ПАО «Газпром» в разы отличается от зарплаты бухгалтера на каком-нибудь предприятии машиностроения и тем более в небольшом магазине. Масштабы деятельности компании также влияют на доходы работников. Однако конкурентность рынков в немалой степени является фактором институциональным, зависящим от проводимой в стране политики поддержки конкуренции, особенностей реализации антимонопольной политики, а также от степени открытости экономики и мобильности ресурсов.

Кроме того, в условиях открытости экономики доходы в некоторых отраслях подвержены существенному воздействию конъюнктурных факторов глобального характера. Противоположная движению мировых цен экспортируемых товаров динамика валютного курса позволяет частично нивелировать эти колебания, но само воздействие конъюнктурных факторов не исчезает. Колебания валютного курса оказывают существенное влияние на расходы и доходы, а также в целом финансовое состояние предприятий, зависящих от поставок импортного сырья, материалов и оборудования. В целом, открытость экономики приводит к разной зависимости доходов разных отраслей и секторов от внешней конъюнктуры, что сказывается на дифференциации доходов в масштабах страны. Также отрасли и секторы экономики по-разному реагируют на экономический цикл. Например, банковская сфера развивается проциклично, и доходы в ней во время подъема экономики растут, а во время спада – падают. Все эти факторы влияют на дифференциацию доходов и ее динамику.

Проанализируем отраслевые различия в заработной плате применительно к видам экономической деятельности и некоторым отдельно выделяемым внутри них отраслям (см. табл. 1, столбец 1). Эти различия в значительной степени объясняются

различиями в номинальной производительности труда в рассматриваемых ВЭД и отраслях. Однако нами обнаружен еще один эффект – в тех отраслях, где выше средний уровень заработной платы, как правило, выше и степень ее внутриотраслевой дифференциации, рассчитанной на основе коэффициента фондов и среднего квадратического отклонения (см. табл. 1, столбцы 2 и 3). Связь между уровнем заработной платы и ее дифференциацией в отраслях представлена на рис. 1.

Таблица 1

**Средняя заработная плата и ее дифференциация в ВЭД и некоторых
отраслях промышленности**
(на апрель 2013 г.)

	Средняя заработ- ная плата, рублей*	Внутриот- раслево СКО зара- ботной платы**	Соотношение средней заработной платы 10% работников с наибольшей и 10% работ- ников с наименьшей заработной платой, в разгах*
А	1	2	3
Все ВЭД	29452,8	29928,3	15,8
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	16020,8	12584,6	8,7
Рыболовство, рыбоводство	41553,4	47526,9	н/д
Добыча полезных ископаемых	50234,4	38665,2	11,9
Обрабатывающие производства	28999,3	25424,3	10,2
Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	24505,8	22905,2	10,3
Текстильное и швейное производство; производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	16944,9	13715,8	8,5
Обработка древесины и производство изделий из дерева; целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность	28642,3	31775,4	13,5
Производство кокса, нефтепродуктов и ядерных материалов; химическое производство; производство резиновых и пластмассовых изделий	34881,1	35052,8	11,7
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	26122,8	20657,5	8,4
Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	31780,2	22984,9	8,4
Производство машин и оборудования; производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования; производство транспортных средств и оборудования	29632,3	23939,8	9
Прочие производства	23231,8	18528,6	9,6

Окончание Табл. 1

	Средняя заработ- ная плата, рублей*	Внутриот- раслево СКО зара- ботной платы**	Соотношение средней заработной платы 10% работников с наибольшей и 10% работ- ников с наименьшей заработной платой, в разгах*
А	1	2	3
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	29513,3	25016,0	10,5
Строительство	34260,7	28570,2	12,3
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	31480,3	40289,7	19,6
Гостиницы и рестораны	23211,6	22120,2	10,7
Транспорт и связь	33798,4	29744,1	13,8
Транспорт	35611,6	29047,4	н/д
Связь	27883,6	31324,3	н/д
Финансовая деятельность	54970,7	60165,0	21,2
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	38444	40773,4	20,4
Научные исследования и разработки	41972,7	35105,7	13,7
Государственное управление; обязательное социальное обеспечение; деятельность экстерриториальных организаций	35576,2	25352,2	11,3
Образование	20451,9	17793,0	11,9
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	21039	18200,0	11
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	23307,8	37320,3	18,7
Деятельность по организации отдыха, развлечений, культуры и спорта	22969,9	38755,3	19,3

Источник: *Данные выборочных обследований Федеральной службы государственной статистики на апрель 2013 г. (Социальное положение и уровень жизни населения России - 2014 г.; Труд и занятость в России - 2015 г.

(http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_costs/ - Дата обращения: 08.01.2016)).

** Расчеты автора на основе указанных источников.

Данный результат, полученный на отраслевом уровне, подтверждает обнаруженную ранее закономерность для регионального уровня. А именно: в регионах с более высоким уровнем среднедушевых реальных доходов дифференциация доходов оказывается выше (Малкина, 2014а), а также развитие большинства регионов сопровождается ростом дифференциации доходов населения (Малкина, 2014б).

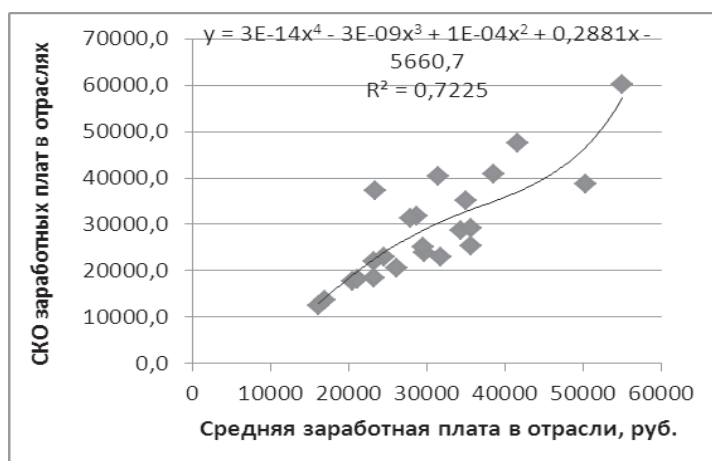

Рис. 1. Связь между среднеотраслевым уровнем заработной платы и ее внутриотраслевой дифференциацией для основных видов экономической деятельности и отраслей промышленности

Определенный интерес представляет также сравнение заработных плат в государственном и негосударственном секторах экономики. На апрель 2015 года, согласно данным выборочного обследования Росстата, средняя зарплата в государственном секторе была значительно меньше (29403,3 руб.), чем в негосударственном секторе экономики (39150,9 руб.). Однако интерес представляет и дифференциация заработных плат внутри данных секторов. Для этого нами были проведены дополнительные расчеты следующих коэффициентов дифференциации:

1) коэффициент Джини, нормированный путем удлинения шкалы в $n/(n - 1)$ раз (о необходимости чего пишет (Глуценко, 2015)):

$$G = \frac{n}{n-1} \cdot \left(1 - \left[\sum_{i=1}^n (X_i + X_{i-1}) \cdot \eta_i \right] \right),$$

→ где: $i=1, n$ - группы получателей, ранжированные в порядке увеличения средней заработной платы;

$$X_i = \sum_{i=1}^i x_i$$

- кумулятивная доля зарплаты, приходящейся на группы от 1-ой до i -ой включительно;

x_i - доля i -ой группы получателей в общем фонде заработной платы;

η_i - доля количества получателей в i -ой группе.

Коэффициент Джини является универсальным измерителем дифференциации доходов, но он не позволяет идентифицировать, в какой части кривой Лоренца произошла концентрация неравенства;

2) индекс Гувера, также известный как «индекс Робин Гуда», - рассчитывается как максимальный по длине вертикальный отрезок, образуемый между кривой Лоренца и линией абсолютного равенства, или по формуле:

$$H = \frac{1}{2} \sum_{i=1}^n |x_i - \eta_i|.$$

Этот индекс показывает, какая часть дохода богатых должна быть перераспределена в пользу бедных, чтобы достичь абсолютно равномерного распределения доходов;

3) индекс обобщенной энтропии Тейла:

$$Th = \sum_{i=1}^n \eta_i \cdot \left(d_i / \bar{d}_i \right) \cdot \ln \left(d_i / \bar{d}_i \right) = \sum_{i=1}^n x_i \cdot \ln \left(\frac{x_i}{\eta_i} \right),$$

где: d_i - средняя зарплата в i -ой группе; \bar{d} - средняя зарплата во всех группах. Данный измеритель реагирует в большей степени на изменение дифференциации в верхней части шкалы распределения (то есть у получателей более высокой зарплаты);

4) индекса Тейла-Бернулли:

$$Th_B = -\sum_{i=1}^n \eta_i \cdot \ln\left(d_i / \bar{d}\right) = -\sum_{i=1}^n \eta_i \cdot \ln\left(\frac{x_i}{\eta_i}\right).$$

Этот индекс больше реагирует на изменение дифференциации в нижней части шкалы распределения (то есть у получателей более низкой зарплаты);

Для нормировки обоих индексов Тейла используем интегральную функцию распределения: $Th^* = 1 - e^{-IT}$;

5) индекса Аткинсона (для $\varepsilon \geq 0, \varepsilon \neq 1$):

$$I_A = 1 - \frac{1}{\bar{d}} \cdot \left(\sum_{i=1}^n (d_i^{1-\varepsilon} \cdot \eta_i) \right)^{1/(1-\varepsilon)}.$$

Индекс Аткинсона строится на основе степенной функции полезности дохода и позволяет учитывать коэффициент неприятия неравенства (который, как правило, берут в пределах 1,7-2,5). В нашем расчете используем его среднее значение $\varepsilon = 2$.

В табл. 2 приведены результаты расчета пяти измерителей дифференциации доходов применительно к распределению заработных плат в государственном, негосударственном секторах экономики и в целом по обоим секторам в 2002, 2007, 2011, 2013 и 2015 годах. В основе расчетов лежит официальная информация о распределении заработной платы, предоставляемая ФСГС на основе данных выборочных наблюдений.

Таблица 2

Показатели дифференциации заработных плат в секторах российской экономики (на апрель соответствующего года)

Организации:	Коэффициенты/годы				
	Джини				
	2002	2007	2011	2013	2015
всех форм собственности;	0,5221	0,4675	0,4208	0,4171	0,4174
государственной собственности;	0,4483	0,4517	0,4210	0,4219	0,4169
негосударственной собственности	0,5624	0,4680	0,4018	0,4041	0,4076
	Гувера				
всех форм собственности;	0,3596	0,3197	0,2908	0,2876	0,2849
государственной собственности;	0,3078	0,3073	0,2904	0,2930	0,2874
негосударственной собственности	0,3889	0,3227	0,2799	0,2801	0,2789
	Тейла				
всех форм собственности;	0,3825	0,2836	0,2316	0,2287	0,2331
государственной собственности;	0,2852	0,2682	0,2343	0,2336	0,2315
негосударственной собственности	0,4222	0,2813	0,2113	0,2159	0,2235
	Тейла-Бернулли				
всех форм собственности;	0,3725	0,2966	0,2397	0,2362	0,2356
государственной собственности;	0,2818	0,2773	0,2374	0,2401	0,2377
негосударственной собственности	0,4352	0,3008	0,2224	0,2226	0,2229
	Аткинсона ($\varepsilon=2$)				
всех форм собственности;	0,6300	0,5298	0,4253	0,4211	0,4203
государственной собственности;	0,5060	0,4962	0,4153	0,4238	0,4259
негосударственной собственности	0,7171	0,5494	0,4068	0,4017	0,3939

Источник: рассчитано автором по данным ежегодного сборника ФСГС: «Социальное положение и уровень жизни населения России». (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138698314188 - Дата обращения: 09.02.2016).

Все коэффициенты указывают на снижение дифференциации заработных плат в экономике, но уже в 2011 году эта динамика существенно замедлилась. Согласно расчету индекса Гувера, если в 2002 году для выравнивания средней заработной платы требовалось перераспределение 36% ее общего фонда, то в 2015 году – уже 28,5%.

В то же время снижение дифференциации в негосударственном секторе происходило быстрее, чем в государственном секторе экономики. Если в 2002 году коэффициент Джини в государственном секторе был на 20% ниже, чем в негосударственном секторе, то где-то в 2010 году они выровнялись, а в 2011-2013 годах дифференциация зарплат в государственном секторе уже была на 4-5% выше, чем в негосударственном секторе. Однако в 2015 году по индексу Джини два сектора снова сблизились. Индекс Тейла 2011 года демонстрирует увеличившийся отрыв госсектора в верхней части распределения доходов, а индекс Тейла-Бернулли 2013 года – увеличившийся разрыв с негосударственным сектором в дифференциации зарплат в нижней части распределения доходов. Индекс Аткинсона и вовсе свидетельствует об ухудшении ситуации с распределением доходов в государственном секторе в 2013-2015 годах по сравнению с 2011 годом.

Однако следует сделать оговорку: наши данные учитывают только официальные заработные платы и не учитывают теневые доходы, которые в негосударственном секторе очевидно больше. Вероятно, с учетом теневых доходов степень дифференциации заработных плат в этом секторе могла бы оказаться выше. При этом все измерители однозначно свидетельствуют о том, что если в 2002 году дифференциация заработных плат была выше в негосударственном секторе экономики, то в 2013 году она стала выше в государственном секторе экономики.

Данный расчет был сделан на основе подробной информации о распределении получателей зарплаты по 17-22 группам (количество групп различалось по годам). Расчет на основе распределения по децильным группам дал несколько другой результат². Например, в 2015 году нормированный коэффициент Джини в негосударственном секторе составил 0,4567, а в государственном – 0,4331. Однако и этот расчет свидетельствует о чрезмерно высокой дифференциации зарплат в госсекторе относительно среднего уровня зарплаты в этом секторе (составляющего лишь 75% от уровня средней зарплаты частного сектора).

Также нами оценивалась связь между среднеотраслевым уровнем заработной платы и степенью ее внутриотраслевой дифференциации отдельно для государственного и негосударственного секторов экономики. За основу были взяты данные о распределении заработных плат по децильным группам получателей в отраслях и ВЭД в апреле 2015 года (без учета доли занятых). В итоге получено, что если в негосударственном секторе эта связь положительная (для полинома 3-его порядка коэффициент детерминации равен 0,664), то в государственном секторе связь отсутствует вообще.

Полученный результат является косвенным свидетельством снижения качества институциональной среды в государственном секторе экономики – в части, касающейся распределения доходов. В негосударственном секторе конкуренция заставляет работодателя, заинтересованного в качестве привлекаемого человеческого капитала, поддерживать заработные платы на конкурентном уровне. В этом секторе дифференциация зарплат положительно связана с их уровнем, что вписывается в некие общие рыночные закономерности. В государственном секторе конкуренция существенно ниже, а также существенно ниже мотивация принятия эффективных решений на рынке труда. Поэтому межличностная дифференциация зарплаты оказалась необоснованно великой по отношению к среднему уровню зарплат, а внутриотраслевые различия в заработной плате – не связанными с рыночными закономерностями. В целом существенное сближение степени

² Сведения о распределении численности работников по размерам заработной платы за апрель 2015 года (статистический бюллетень; опубликовано 17.07.2015). (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/bul_zp_2015.rar - Дата обращения: 16.02.2016).

неравенства в государственном секторе с неравенством в негосударственном секторе свидетельствует об отсутствии должного контроля за распределением общественных ресурсов.

4. *Различия в имуществе и накопленном благосостоянии.* Зарубежными исследователями в качестве важного фактора, влияющего на неравенство в распределении доходов населения, называется имущественная дифференциация. Она особенно важна, когда доходы от собственности (в том числе активов финансовой сферы) растут быстрее доходов от фактора труд, а само имущество, приносящее доход, составляет внушительную часть в активах обеспеченных людей. Уже упоминавшийся Т. Пикетти признает данный фактор основным в росте дифференциации доходов населения. Более того, открытый им закон преимущественного роста дохода на капитал над экономическим ростом порождает состояние, когда «наследственное имущество почти неизбежно будет преобладать над имуществом, накопленным в течение трудовой жизни, а концентрация капитала будет достигать очень высокого уровня, который, вполне вероятно, не будет соответствовать меритократическим ценностям и принципам социальной справедливости, лежащим в основе наших современных демократических обществ» (Пикетти, 2015. С. 45). Дополнительными условиями, усиливающими эффект дифференциации, согласно Пикетти, являются: увеличивающийся рост нормы сбережения на крупные капиталы; структурные сдвиги цен, например, опережающий рост цен на нефть и недвижимость (Там же. С. 45). По всей видимости, предполагается, что данные активы сосредоточены в основном в руках богатых. Неравномерное распределение богатства, а также эффект агломерации, называется другими исследователями важным фактором, препятствующими межрегиональной конвергенции доходов (Remington, 2015. P. 10).

Кроме прямых, необходимо отметить косвенные эффекты неравенства, связанные с формированием сбережений и функционированием кредитного рынка. Люди с высокими доходами стабильно формируют сбережения и вкладывают их в активы, приносящие доход, но стоимость этих активов изменяется в зависимости от стадии цикла. Реальные активы (например, недвижимость, акции) хорошо сохраняют свою стоимость и даже могут относительно дорожать в период инфляции, но, как правило, падают в цене в период спада. В то же время доходы менеджеров в период спада, как правило, защищены разными бонусами. Люди с низкими доходами чаще берут кредиты и выплачивают высокие проценты по ним, что снижает их благосостояние, хотя реальное бремя заемщиков также зависит от текущего состояния экономики.

Помимо прочего, поддержание высокого неравенства может быть объяснено и на основе просто эгоистических особенностей человеческой природы: обладая статусами и возможностью управления финансовыми ресурсами, редкие из людей способны воздержаться от распределения доходов в свою пользу. Особенно когда для этого нет действенных институциональных ограничений, либо они специально устроены таким образом, что допускают возможность присвоения. С точки зрения рационального эгоиста, накопление власти и собственности и удержание подчиненных в роли благодарных просителей является весьма эффективной моделью поведения. Она препятствует объединению, сговору, ставит подчиненных в вечную зависимость от подателя.

Особый интерес представляет динамика неравенства в ходе экономического развития, его связь с ростом благосостояния. Наиболее известной динамической зависимостью долгосрочного типа является кривая, выведенная в рамках гипотезы С. Кузнеця (Kuznets curve), согласно которой рост среднедушевых реальных доходов населения сначала способствует увеличению неравенства, а, начиная с некоторого момента, – его уменьшению. Предлагаются различные объяснения снижения неравенства при увеличении дохода:

– влияние процессов индустриализации (С. Кузнец, Дж. Уильямсон);

- результат мобильности (с ростом доходов увеличивается мобильность трудовых ресурсов, в том числе в форме миграции из сельской местности в города, что изменяет состояние рынков труда и способствует выравниванию уровней доходности);
- влияние доходов на возможность повышения уровня образования (что в свою очередь приводит к росту доходов ранее менее обеспеченных людей).

Также исследователей в основном китайской экономики, где уровень дифференциации доходов достаточно высок (*Cai and Du, 2011*), интересует так называемая «поворотная точка Льюиса» (“Lewis turning point”) – момент, когда исчезает избыток рабочей силы и появляется нехватка, что особенно ощутимо для низкооплачиваемых работников. С этого момента начинается рост заработной платы в дефицитных сегментах рынка труда, что снижает дифференциацию трудовых доходов.

В своем исследовании Т. Пикетти совершенно справедливо предостерегает от экономического детерминизма в определении динамики неравенства и пишет о большом влиянии политических факторов (*Пикетти, 2015. С. 39*). Исследователь кривой Кузнецца для межрегионального неравенства К. Лессманн также указывает на влияние изменений правил игры, которые могут преломить естественную тенденцию. Так, в работе (*Lessmann, 2014. P. 38*) приводится пример Китая, где до культурной революции наблюдалась конвергенция регионов, во время культурной революции – дивергенция, после нее – снова конвергенция. На изменение тенденции могут повлиять также сдвиги в экономической конъюнктуре. К. Лессманн также приводит пример Боливии, где межрегиональная конвергенция росла в силу того, что добывающие регионы выигрывали от растущих цен на ресурсы, но в 2006 году правительство поставило эти доходы под контроль, в результате неравенство сократилось (*Lessmann, 2014. P. 38*).

Однако заметим: возможности управления институциональной средой зависят от текущих макроэкономических условий. Благоприятная макроэкономическая конъюнктура создает лучшие возможности для маневра, изменения перераспределительной политики государства, в том числе в целях уменьшения неравенства, однако использование данных возможностей во многом зависит от преобладающих в обществе политических институтов. В неразвитой институциональной среде нередко возникает порочный круг взаимной трансформации политической ренты в экономическую ренту, что приводит к увеличению неравенства. В условиях кризиса возможности управления институциональной средой существенно ограничены, и ресурсы, как правило, направляются на решение текущих проблем борьбы с кризисом.

Большинство исследований российской экономики, стран с развивающимися рынками и мировой экономики в целом свидетельствует о том, что экономический рост пока сопровождается увеличением неравенства. В то же время проведенные разными авторами исследования в той или иной степени подтверждают значимость институциональной среды в распределении доходов, к анализу которой мы переходим.

Институциональная среда неравенства

Наш предыдущий анализ показал, что естественные и искусственные различия людей, их статусы и сферы деятельности, а также накопленные ранее богатства влияют на неравенство, однако важным катализатором неравенства является институциональная среда. В отношении влияния институциональной среды можно выделить две позиции в современной литературе.

Первая точка зрения, получившая достаточно распространение в среде институционалистов, связывает неравенство с качеством, или эффективностью институтов, сформировавшихся в той или иной стране в конкретных исторических условиях. Эффективность институтов в одной из работ (*Cervellati, Fortunato and*

Sunde, 2008) определяется как некое «правовое положение» (state of law), в основе которого лежит «общественный контракт», что приводит к ограниченному конфликту в обществе. Противоположным является естественное состояние (state of nature), приводящее к самовоспроизводящемуся конфликту и растрате ресурсов в масштабах всей экономики. Ряд исследований посвящен построению экономико-математических моделей и эконометрических зависимостей индексов, отражающих качество институтов или институциональной среды в целом, и показателей дифференциации доходов населения. Например, в статье (*Gradstein, 2008*) предлагается экономико-математическая модель взаимосвязи политического и экономического неравенства, качества институтов и экономического роста. Автор показывает, что неравенство доходов и плохое качество институтов могут взаимно усиливать друг друга, потенциально генерируя различные пути развития (*Gradstein, 2008. P. 1045*).

Вторая точка зрения была высказана уже упоминавшимся автором нового «Капитала» Томом Пикетти. Вполне в духе марксизма, он связал неравенство не с плохим качеством институтов, а с некими универсальными законами капитализма, иными словами, с рыночными институтами вообще. Так, один из выведенных Пикетти законов современного капитализма утверждает, что рыночной экономике присуще превышение реального процента над реальным темпом экономического роста, благодаря чему созданный чистый доход перераспределяется в пользу владельцев капитала. Однако в зарубежной литературе подход и аргументы Пикетти вызвали не только поддержку, но и критику. В одной из статей Д. Асемоглу и Дж. Робинсон, полемизируя с автором современного «Капитала», эмпирически доказывают, что в действительности разница между двумя процентами не коррелирует со степенью неравенства (*Acemoglu and Robinson, 2015*). Главным недостатком концепции Пикетти они называют игнорирование роли институциональных факторов неравенства, а также эндогенного процесса формирования этих институтов.

Авторы другой работы (*Holcombe and Boudreaux, 2016*) тестируют тезис Пикетти о существовании положительной связи между степенью развития рыночных институтов как таковых и уровнем неравенства. Для этого строится ряд эконометрических зависимостей на основе панельно-временной выборки по странам мира. В качестве показателя степени развития рыночных институтов используется индекс экономической свободы (EFW index), публикуемый Fraser Institute's Economic Freedom of the World³. В качестве показателя неравенства – доля верхней квантили (топ 10%) в общих доходах населения. При использовании для оценки последней данных WTID⁴ по 28 странам с 1980 года (с пятилетним интервалом) положительная связь между рыночными институтами и неравенством подтверждается. При использовании данных Всемирного Банка о доходах 10% верхней квантили в 100 странах за 1980-2010 гг. зависимость с индексом свободы (EFW index) не обнаружена. Это позволило авторам сделать вывод, о том, что связь между степенью развития рыночных институтов и уровнем неравенства остается открытой.

Многие исследователи неравенства с позиции качества институтов считают определяющими *политические институты*, закрепляющие политическое неравенство, которое в свою очередь трансформируется в экономическое неравенство. В основе политического неравенства лежат институты, перераспределяющие власть и богатство в пользу элиты (*Stiglitz, 2012; Gilens, 2012; Hacker and Pierson, 2010; Bartels, 2008; Huber and Stephens, 2015*).

³ Fraser Institute's Economic Freedom of the World публикует индекс свободы EFW index, высокие значения которого свидетельствуют о в основном рыночном распределении ресурсов, а низкие значения – о значимости государственных механизмов перераспределения ресурсов. Индекс формируется из 43 индивидуальных компонентов, сгруппированных в 43 области: размер правительства, защита прав собственности и правил законодательства, свобода международной торговли, устойчивость монетарной политики, степень регулирования экономики.

⁴ The World Top Incomes Database. (<http://www.parisschoolofeconomics.eu/en/research/the-world-top-incomes-database>).

Другие исследователи рассматривают сложные двусторонние *взаимосвязи политических институтов с экономическими институтами*. Так, Д. Асемоглу и Дж. Робинсон показали механизм формирования неравенства под влиянием этого взаимодействия. Преобладающие в обществе политические институты, по мнению авторов, определяют распределение политической власти в обществе *de jure*, а именно: «какие группы лишены гражданских прав, как осуществляется конкуренция за политическую власть, как ограничиваются экономические и политические элиты и пр.» (*Acemoglu and Robinson, 2015. P. 20*). Политические институты вместе с экономическим неравенством определяют распределение политической власти в обществе *de facto*, а именно: ограничения на применение насилия через практику коллективных действий, влияние неформальных институтов и социальных норм. Эта власть *de facto* зависит от того, насколько различные социальные и экономические группы организованы, каким образом они решают проблему коллективных действий и как на это влияют ресурсы, находящиеся в их распоряжении. Юридическая и фактическая власть далее влияют на экономические институты, а также определяют стабильность и изменение политических институтов. Экономические институты, согласно Д. Асемоглу и Дж. Робинсону, определяют предложение различных навыков на рынке труда. Через контроль за налогообложением, распределением рыночной власти и поддержанием рыночных структур они влияют на цены товаров и факторов производства. Также экономические институты влияют на эффективность технологий, их использование и эволюцию посредством эндогенных инноваций и процессов обучения. Все это в конечном счете определяет неравенство доходов (*Op. cit. P. 20*).

Дж. Стиглиц в книге «Цена неравенства» связывает растущее неравенство с процессами поиска ренты и перераспределения общественного богатства посредством политического процесса (*Stiglitz, 2012*). Приведем его высказывание, правда, касающееся США первых десятилетий XX века, но актуальное и в современном мире: «Выделенные верхушке средства идут не только на «создание новых рабочих мест» и внедрение инноваций; некоторые идут на политические махинации, особенно во время разработки штаб-квартирой Citizen United необузданных кампаний. Что мы видим ясно, так это общее пользование богатствами с целью получить преимущества в ситуации рентоориентированного поведения, увеличивающего неравенство посредством политических процессов» (*Op. cit. P. 14*). Стиглиц также указывает на зависимость динамики благосостояния и неравенства от таких правительственных институтов, как ставка налогообложения и обеспечение людей бесплатным образованием (*Op. cit. P. 78*).

О слабости политических институтов, отсутствии политической конкуренции, развитости коррупции как причинах высокого межрегионального неравенства в России и Китае пишет (*Remington, 2015. P. 10*), а также причиной неравенства, по мнению автора, является в целом слабость социальной политики и ее институтов в указанных государствах. Плохие институты, доставшиеся в наследство от командно-административной системы, по мнению этого автора, создают серьезные препятствия для мобильности факторов производства: капитала и труда. К барьерам мобильности в Китае он относит политический контроль над капиталовложениями и практику регистрации домохозяйств. А в России - большие расстояния, ограниченность рынка жилья, слабость инфраструктуры и плохой институциональный климат (*Op. cit. P. 11*).

Для подтверждения значимости институтов приведем также замечательные слова отечественных исследователей А. Ю. Шевякова и А. Я. Кируты: «... одинаково высокие масштабы неравенства доходов могут быть обусловлены диаметрально противоположными причинами: во-первых, интенсивной, но честной конкуренцией, которая сочетается с развитой социальной мобильностью; во-вторых, институционально обусловленными преимуществами положения одних социальных

слоев по отношению к другим, когда социальная мобильность ограничивается барьерами и целенаправленными действиями групп, наделенных этими преимуществами». Авторы указывают на стимулирующее влияние первого типа неравенства на экономическую активность, его направленность на накопление человеческого капитала и обретение конкурентных преимуществ. Неравенство второго типа подавляет активность, «направляет экономическое и социальное поведение в русло адаптации, которая может иметь регрессивные последствия по отношению к развитию человеческого потенциала, а также приобретать другие деструктивные черты (такие как коррупция, теневое предпринимательство и преступность)» (Шевяков и Кирута, 2009. С. 18-19).

Отдельные исследования посвящены влиянию конкретных экономических институтов на неравномерность распределения доходов: институтов рынка труда, системы государственных финансов, институтов рынков товаров и капитала, обеспечивающих мобильность ресурсов.

Прежде всего, признается влияние институтов рынка труда на неравномерность распределения доходов, в том числе связанных с его регулированием. На дифференциацию заработных плат, уровень безработицы и долю социальных пособий в доходах населения оказывают влияние требования государства к уровню минимальной заработной платы, безопасности труда, политика создания рабочих мест в общественном секторе экономики, однако, эмпирические исследования не выявили значительного влияния этих факторов. К другим институтам, влияющим на распределение доходов, относятся деятельность профсоюзов и наличие коллективных договоров. В работе (Calderón and Chong, 2009) разделяются институты рынка труда *de jure* и *de facto*, последние могут отклоняться от первых из-за недостатка мониторинга или принуждения (*enforcement*), незначительных издержек уклонения, а также, потому что это плохие правила. Авторы приходят к выводу, что институты *de jure* в меньшей степени влияют на снижение неравенства (измеряемого коэффициентом Джини), чем институты *de facto*. Также ими обнаружено большее влияние на снижение неравенства степени охвата работников профсоюзами и развития системы социального страхования, и существенно меньшее влияние - официального минимума заработной платы и системы государственных рабочих мест.

В качестве одного из связанных с рынком труда факторов, влияющих на неравенство, отметим степень инновационности экономики. Чем выше эта степень, тем выше требования к качеству рабочей силы, уровню образования и квалификации, что обеспечивает рост благосостояния. Деиндустриализация, напротив, поддерживает низкие требования к качеству рабочей силы и низкий уровень заработных плат, что приводит к концентрации доходов в нижней части кривой распределения Лоренца.

Одним из уже упоминавшихся институциональных факторов, влияющих на неравенство, является степень открытости экономики. С одной стороны, открытость экономики способствует формированию конкурентных рынков, а конкуренция способствует переливу ресурсов между отраслями и сферами деятельности, что ведет к некоторому выравниванию удельных доходов в них. С другой стороны, открытость экономики по-разному влияет на доходы в отраслях, может быть фактором роста дифференциации заработных плат между группами работников по занимаемым должностям, в частности, способствовать отрыву заработных плат топ-менеджеров и доходов собственников от зарплат рабочих и специалистов.

В работе (Helpman, Itshoki and Redding, 2010) построена экономико-математическая модель влияния открытости экономики на дифференциацию заработных плат и уровень безработицы, основанная на ряде предпосылок о виде базовых функций. На основе этой модели авторы пришли к двум выводам. Во-первых, открытие экономики внешним рынкам приводит к увеличению производительности труда в экспортном секторе, что в свою очередь увеличивает

дисперсию доходов и дисперсию заработных плат между ориентированными на внутренний и внешних рынок секторами экономики. Данный эффект также объясняется тем, что экспортоориентированные фирмы, находящиеся в глобальной конкурентной среде, подходят более внимательно к отбору рабочей силы, получают работников с большей производительностью и устанавливают им более высокую зарплату. Во-вторых, если в краткосрочном периоде открытость экономики способствует увеличению дифференциации доходов, то в долгосрочном она приводит к ее снижению (наблюдается колоколообразная кривая зависимости показателя дифференциации от времени). В конечном счете дифференциация может увеличиться, либо уменьшиться, по сравнению с первоначальным уровнем.

В исследовании (*Escurrea and Rodríguez-Pose, 2013*) на данных 47 стран за период 1990-2007 гг. обнаружена позитивная связь между открытостью экономики и степенью межрегиональных диспаритетов.

Еще одна группа институциональных факторов неравенства относится к *системе государственных финансов*. Речь идет как о воздействии структуры государственных расходов на неравенство, так и о степени учета общественных интересов при их распределении, а также общественном контроле за их использованием. Рациональное неведение избирателей, проблемы безбилетника и коллективных действий, рентаискательство снижают эффективность госрасходов - с точки зрения их влияния на уменьшение неравенства. Например, в работе (*Afonso, Schuknecht and Tanzi, 2010*) рассматривается связь между государственными расходами на социальные нужды и качеством институтов государственных финансов, с одной стороны, и неравномерностью распределения доходов – с другой. Делается вывод о том, что больший объем расходов на образование и лучший контроль и мониторинг за их распределением (меньше доля утечек и влияния рентаискательства) способствует более равномерному распределению доходов.

Последствия неравенства

Между экономическим развитием и неравенством существует не причинно-следственная, а двусторонняя связь. Неравенство, будучи порождением комплекса макроэкономических, институциональных и прочих условий, само влияет на социально-экономическое развитие страны. Современные исследователи изучают экономические, социальные, политические и прочие последствия неравенства.

1. *Экономические последствия неравенства*. Достаточно широкий пласт исследований посвящен влиянию неравенства на экономический рост, первая графическая интерпретация которого была дана Н. Калдором. Рассмотрим некоторые аспекты этой проблемы.

Негативное влияние неравенства на экономический рост, прежде всего, рассматривается по линии *формирования совокупного спроса*. В исследованиях, базирующихся на «основном психологическом законе» Дж. М. Кейнса и краткосрочной функции потребления с уменьшающейся предельной склонностью к потреблению, дифференциация доходов негативно сказывается на общих расходах на потребление, что приводит к уменьшению совокупного спроса и замедлению экономического роста.

Ряд исследователей отмечают *влияние неравенства на цикличность экономики*. Согласно одному из аргументов, в странах с более высокой дифференциацией доходов фискальная политика является более проциклической, что также негативно сказывается на темпах экономического роста (*Woo, 2009*).

2. *Политические последствия неравенства*. Высокое неравенство становится причиной политической нестабильности, особенно это касается развивающихся экономических систем, где у радикальных реформ появляется свой устойчивый электорат. Если рыночные реформы сопровождались усилением расслоения, этот электорат становится опорой идей возврата к прошлому и отказа от рыночных преобразований.

Неравенство влияет на поведение избирателей. Так, в работе (*Bouveta and King, 2016*) на примере 32 стран ОЭСР в период с 1975 по 2013 годы показано, что в период экономической стабильности рост неравенства сопровождается снижением доли избирателей, голосующих за левые партии, тогда как в период спада рост неравенства смещает предпочтения избирателей в пользу партий левого толка.

3. *Социальные последствия неравенства.* Одним из основных социальных последствий неравенства является закрепление социальных страт. Известна так называемая «The Great Gatsby curve» - позитивная связь между неравенством и межпоколенческой социальной иммобильностью. Кривая введена в экономическую науку Аланом Крюгером и построена на основе данных Майлза Корака (обзор концепций см. в работе: (*Corak, 2013*)). Данную зависимость связывают с инвестициями в человеческий капитал, которые зависят от уровня доходов.

В ряде исследований также обнаружена связь между неравенством в распределении доходов с настроением в обществе, ощущением счастья (*Delhey and Kohler, 2011*). Очевидно, что неравенство может обострять чувство справедливости, что приводит к снижению морального духа и в конечном счете отрицательно сказывается на производительности работников.

Управление неравенством

Большинство исследователей сходится во мнении, что для снижения неравенства необходимы *институциональные реформы*. Отечественные исследователи А. Ю. Шевяков и А. Я. Кирута формулируют задачу государства в сфере управления неравенством следующим образом: «выработать такую стратегию институциональных преобразований, которая, не ограничивая экономической свободы, создавала бы эффективные сдержки и противовесы реализации интересов, приводящих к угрожающим социально-экономическим диспропорциям в обществе» (*Шевяков и Кирута, 2009. С. 146*).

Традиционно для управления неравенством используется, прежде всего, комплекс методов фискальной политики. С одной стороны, используется целый инструментарий налоговой политики: прогрессивное налогообложение доходов, смещение налогообложения с доходов от труда на доходы от капитала, с доходов от деятельности – на доходы от имущества и пр. В ряде работ, например, (*Makdissi and Mussard, 2008*), предлагаются конкретные методы по оптимизации налоговой политики с целью снижения неравенства.

С другой стороны, для сглаживания неравенства применяются методы, лежащие на стороне государственных расходов, как в части трансфертов, так и государственного финансирования отдельных видов деятельности. В-третьих, важную роль в смягчении неравенства де-факто играет производство общественных и социальных благ, некоторые из которых в большей степени используются менее обеспеченными гражданами (бесплатное здравоохранение, образование и пр.).

При управлении неравенством следует учитывать, что для любого общества существует оптимальный уровень неравенства, при котором показатели развития достигают своего максимального значения. Перераспределение доходов влечет за собой, по крайней мер, два эффекта. С одной стороны, возникает эффект, связанный с влиянием дохода на качество человеческого капитала. При перераспределении доходов в пользу бедных повышается их возможность увеличить уровень образования, квалификации, приобрести более прогрессивные трудовые навыки, получить более качественное медицинское обслуживание, лучше питаться, жить в лучших условиях, улучшить свой досуг. Все это способствует лучшему физическому и социальному воспроизводству рабочей силы, а также поднимает моральный дух, ответственность, патриотизм и общую удовлетворенность от трудовой деятельности. В конечном счете это положительно сказывается на их производительности. С другой стороны, уравниловка снижает стимулы к повышению производительности труда как у тех, чьи доходы в результате перераспределения уменьшаются, так и у

тех, чьи доходы повышаются. Возможность получения помощи делает эффективным определенный тип поведения, направленный на имитацию бедности (если рассматривать данный тип поведения в межбюджетных отношениях, то имитация бедности как в интересах самих регионов, так и расположенных в них институциональных единиц – налогоплательщиков).

В работе (Hodler, 2009) акцентируется внимание на еще одном негативном эффекте политики выравнивания уровня доходов. При этом происходит перераспределение доходов от лиц, ориентированных на потребление (consumption-loving), к лицам, ориентированным на досуг (leisure-loving). В данном исследовании обнаружена U-образная зависимость между масштабами перераспределения и неравенства. Два разнонаправленных эффекта приходят к некому равновесному состоянию, характеризующемуся равенством предельных производительностей.

Подведем итоги исследования. Неравенство доходов может быть отражено системой обобщающих коэффициентов, но для исследователей представляет интерес и сам характер распределения доходов. Будучи порождением естественных причин и следствием влияния отраслевых структур на распределение доходов в экономике, неравенство усиливается за счёт статусных различий и накопленного имущества. Важное влияние на уровень и динамику неравенства оказывает институциональная среда, прежде всего, особенности взаимодействия политических и экономических институтов, а также степень открытости экономики, конкретные характеристики институтов рынка труда и системы государственных финансов. Между неравенством и ростом благосостояния существуют сложные двусторонние взаимодействия, в то же время неравенство оказывает влияние на весь комплекс социально-политических условий функционирования общества. В работе также представлен ряд расчетов, характеризующих динамику неравенства зарплат в различных отраслях и секторах российской экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Балацкий Е. В. и Саакянц М. В. (2006). Дивергенция доходов и экономический рост // Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН: научные труды. М.: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. Т. 4. С. 583–601.

Барсукова С. Ю. и Леденева А. В. (2014). От глобальной коррупционной парадигмы к изучению неформальных практик: различие в подходах аутсайдеров и инсайдеров // *Вопросы экономики*, № 2, с. 118-132.

Глуценко К. П. (2105). Об оценке межрегионального неравенства // *Пространственная экономика*, № 4, с. 39-58.

Малкина М. Ю. (2014а). Исследование взаимосвязи уровня развития и степени неравенства доходов в регионах Российской Федерации // *Экономика региона*, № 2, с. 238-247.

Малкина М. Ю. (2014б). Динамика и факторы внутрирегиональной и межрегиональной дифференциации доходов населения // *Пространственная экономика*, № 3, с. 44-66.

Малкина М. Ю. (2015). Экономика взаимных услуг: продолжение институционального анализа / *Институциональная трансформация экономики: российский вектор новой индустриализации*: материалы IV Международной научной конференции: в 2 ч. [отв. ред. Е. А. Капогузов, Г. М. Самошилова]. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, с. 84-92.

Пикетти Т. (2015). Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 592 с.

Суворов А. В., Сухорукова Г. М., Иванов В. Н., Болдов О. Н. и Моисеева Т. А. (2014). Проблемы факторного анализа дифференциаций доходов населения // *Проблемы прогнозирования*, № 4, с. 63-83.

Шевяков А. Ю. и Кирута А. Я. (2009). Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи: Монография; Учреждение Российской акад. наук Ин-т соц.-эконом. проблем народонаселения РАН. М.: М-Студио, 192 с.

- Acemoglu D. and Robinson J. A.* (2015). The Rise and Decline of General Laws of Capitalism // *The Journal of Economic Perspectives*, vol. 29, no. 1 (Winter), pp. 3-28.
- Afonso A., Schuknecht L. and Tanzi V.* (2010). Income distribution determinants and public spending efficiency // *Journal of Economic Inequality*, vol. 8, pp. 367-389.
- Alesina A., Michalopoulos S. and Papaioannou E.* (2016). Ethnic Inequality // *Journal of Political Economy* (forthcoming). (http://scholar.harvard.edu/files/alesina/files/ethnic_inequality_dec_2014.pdf?m=1418052278 - Дата обращения: 01.02.2016).
- Bartels L. M.* (2008). Unequal Democracy: The Political Economy of the New Gilded Age, New York and Princeton: Russell Sage Foundation; Princeton University Press.
- Bouveta F. and King Sh.* (2016). Income inequality and election outcomes in OECD countries: New evidence following the Great Recession of 2008-2009 // *Electoral Studies*, vol. 41, pp. 70-79.
- Cai F. and Du Y.* (2011). Wage increases, wage convergence, and the Lewis turning point in China // *China Economic Review*, vol. 22, Issue 4, December, pp. 601-610.
- Calderón C. and Chong A.* (2009). Labor market institutions and income inequality: an empirical exploration // *Public Choice*, vol. 138, pp. 65-81.
- Cervellati M., Fortunato P. and Sunde U.* (2008). Hobbes to Rousseau: Inequality, Institutions and Development // *The Economic Journal*, vol. 118, no. 531 (Aug.), pp. 1354-1384.
- Corak M.* (2013). Income Inequality, Equality of Opportunity, and Intergenerational Mobility // *The Journal of Economic Perspectives*, vol. 27, no. 3, pp. 79-102.
- Cowell F. A. and Fiorio C. V.* (2011). Inequality decompositions—a reconciliation // *The Journal of Economic Inequality*, vol. 9, pp. 509-528.
- Delhey J. and Kohler U.* (2011). Is happiness inequality immune to income inequality? New evidence through instrument-effect-corrected standard deviations // *Social Science Research*, vol. 40, Issue 3, May, pp. 742-756.
- Erosa A., Koreshkova T. and Restuccia D.* (2010). How Important Is Human Capital? A Quantitative Theory Assessment of World Income Inequality // *The Review of Economic Studies*, vol. 77, no. 4 (October), pp. 1421-1449.
- Escurra R. and Rodríguez-Pose A.* (2013). Does Economic Globalization affect Regional Inequality? A Cross-country Analysis // *World Development*, vol. 52, pp. 92-103.
- Gilens M.* (2012). Affluence and Influence: Economic Inequality and Political Power in America, New York: Russell Sage Foundation and Princeton University Press.
- Goldin C. and Katz L. F.* (2008). The Race between Education and Technology. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Gradstein M.* (2008). Institutional Traps and Economic Growth // *International Economic Review*, vol. 49, no. 3 (August), pp. 1043-1066.
- Hacker J. S. and Pierson P.* (2010). Winner-Take-All Politics: How Washington Made the Rich Richer—and Turned Its Back on the Middle Class, New York: Simon & Schuster.
- Helpman E., Itzhoki O. and Redding S.* (2010). Inequality and Unemployment in a Global Economy // *Econometrica*, vol. 78, no. 4, pp. 1239-1283.
- Hodler R.* (2009). Redistribution and Inequality in a Heterogeneous Society // *Economica, New Series*, vol. 76, no. 304 (Oct.), pp. 704-718.
- Holcombe R. G. and Boudreaux Ch. J.* (2016). Market institutions and income inequality // *Journal of Institutional Economics / FirstView Article / February*, pp. 1-14.
- Howarth R. B. and Kennedy K.* (2016). Economic growth, inequality, and well-being // *Ecological Economics*, vol. 121, issue C, pp. 231-236.
- Huber E. and Stevens J. D.* (2015). Power, Markets, and Top Income Shares. University of North Carolina working paper, March 6.

Lessmann Ch. (2014). Spatial inequality and development — Is there an inverted-U relationship? // *Journal of Development Economics*, vol. 106, pp. 35–51.

Lynn R. and *Vanhanen T.* (2012). National IQs: A review of their educational, cognitive, economic, political, demographic, sociological, epidemiological, geographic and climatic correlates // *Intelligence*, no. 40, pp. 226-234.

Makdissi P. and *Mussard S.* (2008). Decomposition of s-Concentration Curves // *The Canadian Journal of Economics / Revue canadienne d'Economique*, vol. 41, no. 4 (Nov.), pp. 1312-1328.

Remington T. F. (2015). Why is interregional inequality in Russia and China not falling? // *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 48, pp. 1-13.

Rogerson P. A. (2013). The Gini coefficient of inequality: a new interpretation // *Letters in Spatial and Resource Sciences*, vol. 6, pp. 109–120.

Stiglitz J. (2012). *The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future.* W.W. Norton and Company.

Woo J. (2009). Why do more polarized countries run more procyclical fiscal policy? // *The Review of Economics and Statistics*, vol. 91, no. 4 (November), pp. 850-870.

REFERENCES

Acemoglu D. and *Robinson J. A.* (2015). The Rise and Decline of General Laws of Capitalism. *The Journal of Economic Perspectives*, vol. 29, no. 1 (Winter), pp. 3-28.

Afonso A., Schuknecht L. and *Tanzi V.* (2010). Income distribution determinants and public spending efficiency. *Journal of Economic Inequality*, vol. 8, pp. 367–389.

Alesina A., Michalopoulos S. and *Papaioannou E.* (2016). Ethnic Inequality // *Journal of Political Economy* (forthcoming). (http://scholar.harvard.edu/files/alesina/files/ethnic_inequality_dec_2014.pdf?m=1418052278 – Access Date: 01.02.2016).

Balatsky E. V. and *Saakyants K. M.* (2006). The divergence of incomes and economic growth // Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences: Scientific Works. Moscow, vol. 4, pp. 583-601. (In Russian).

Barsukova S. Yu. and *Ledeneva A. V.* (2014). From the Global Corruption Paradigm to the Study of Informal Practices: Outsiders vs. Insiders. *Voprosy Ekonomiki*, no. 2, pp. 118-132. (In Russian).

Bartels L. M. (2008). *Unequal Democracy: The Political Economy of the New Gilded Age.* New York and Princeton, Russell Sage Foundation; Princeton University Press.

Bouweta F. and *King Sh.* (2016). Income inequality and election outcomes in OECD countries: New evidence following the Great Recession of 2008-2009. *Electoral Studies*, vol. 41, pp. 70-79.

Cai F. and *Du Y.* (2011). Wage increases, wage convergence, and the Lewis turning point in China. *China Economic Review*, vol. 22, Issue 4, December, pp. 601–610.

Calderón C. and *Chong A.* (2009). Labor market institutions and income inequality: an empirical exploration. *Public Choice*, vol. 138, pp. 65–81.

Cervellati M., Fortunato P. and *Sunde U.* (2008). Hobbes to Rousseau: Inequality, Institutions and Development. *The Economic Journal*, vol. 118, no. 531 (Aug.), pp. 1354-1384.

Corak M. (2013). Income Inequality, Equality of Opportunity, and Intergenerational Mobility. *The Journal of Economic Perspectives*, vol. 27, no. 3, pp. 79-102.

Cowell F. A. and *Fiorio C. V.* (2011). Inequality decompositions—a reconciliation. *The Journal of Economic Inequality*, vol. 9, pp. 509–528.

Delhey J. and *Kohler U.* (2011). Is happiness inequality immune to income inequality? New evidence through instrument-effect-corrected standard deviations. *Social Science Research*, vol. 40, Issue 3, May, pp. 742–756.

Erosa A., Koreshkova T. and *Restuccia D.* (2010). How Important Is Human Capital? A Quantitative Theory Assessment of World Income Inequality. *The Review of Economic Studies*, vol. 77, no. 4 (October), pp. 1421-1449.

- Escurra R. and Rodri'guez-Pose A.* (2013). Does Economic Globalization affect Regional Inequality? A Cross-country Analysis. *World Development*, vol. 52, pp. 92–103.
- Gilens M.* (2012). *Affluence and Influence: Economic Inequality and Political Power in America*, New York, : Russell Sage Foundation and Princeton University Press.
- Gluschenko K. P.* (2105). On Estimation of Inter-Regional Inequality. *Spatial Economics*, vol. 4, pp. 39-58. (In Russian).
- Goldin C. and Katz L. F.* (2008). *The Race between Education and Technology*. Cambridge, MA, Harvard University Press.
- Gradstein M.* (2008). Institutional Traps and Economic Growth. *International Economic Review*, vol. 49, no. 3 (August), pp. 1043-1066.
- Hacker J. S. and Pierson P.* (2010). *Winner-Take-All Politics: How Washington Made the Rich Richer—and Turned Its Back on the Middle Class*, New York, Simon & Schuster.
- Helpman E., Itzhoki O. and Redding S.* (2010). Inequality and Unemployment in a Global Economy. *Econometrica*, vol. 78, no. 4, pp. 1239-1283.
- Hodler R.* (2009). Redistribution and Inequality in a Heterogeneous Society. *Economica, New Series*, vol. 76, no. 304 (Oct.), pp. 704-718.
- Holcombe R. G. and Boudreaux Ch. J.* (2016). Market institutions and income inequality. *Journal of Institutional Economics / FirstView Article / February*, pp. 1-14.
- Howarth R. B. and Kennedy K.* (2016). Economic growth, inequality, and well-being. *Ecological Economics*, vol. 121, issue C, pp. 231-236.
- Huber E. and Stevens J. D.* (2015). *Power, Markets, and Top Income Shares*. University of North Carolina working paper, March 6.
- Lessmann Ch.* (2014). Spatial inequality and development — Is there an inverted-U relationship? *Journal of Development Economics*, vol. 106, pp. 35–51.
- Lynn R. and Vanhanen T.* (2012). National IQs: A review of their educational, cognitive, economic, political, demographic, sociological, epidemiological, geographic and climatic correlates. *Intelligence*, no. 40, pp. 226-234.
- Makdissi P. and Mussard S.* (2008). Decomposition of s-Concentration Curves. *The Canadian Journal of Economics / Revue canadienne d'Economique*, vol. 41, no. 4 (Nov.), pp. 1312-1328.
- Malkina M. Yu.* (2014a). Study of the relationship between the development level and degree of income inequality in the Russian regions. *Economy of Region*, vol. 2, pp. 238-247. (In Russian).
- Malkina M. Yu.* (2014b). Dynamics and Determinants of Intra and Inter-Regional Income Differentiation of the Population of the Russian Federation. *Spatial Economics*, vol. 3, pp. 44-66. (In Russian).
- Malkina M. Yu.* (2015). Economy of mutual services: the continuation of institutional analysis / Institutional transformation of the economy: the Russian vector of new industrialization: The materials of IV International Scientific Conference. In 2 vol. [ex. ed. E. A. Kapoguzov, G. M. Samoshilova]. Omsk, Publ. House of Omsk State University, pp. 84-92. (In Russian).
- Piketty T.* (2015). *Capital in the 21th century*. Moscow, Ad Marginem Press, 592 p. (In Russian).
- Remington T. F.* (2015). Why is interregional inequality in Russia and China not falling? *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 48, pp. 1-13.
- Rogerson P. A.* (2013). The Gini coefficient of inequality: a new interpretation. *Letters in Spatial and Resource Sciences*, vol. 6, pp. 109–120.
- Shevyakov A. Yu. and Kiruta A. Ya.* (2009). *Inequality, growth and demography: the unexplored relationship: Monograph*; Institution of the Russian Acad. Sciences Institute of Social-Economy Studies of Population. Moscow, M-Studio Publ., 192 p. (In Russian).
- Stiglitz J.* (2012). *The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future*. W.W. Norton and Company.

Suvorov A. V., Sukhorukova G. M., Ivanov V. N., Belov O. N. and Moiseeva T. A. (2014). Analysis of income inequality factors. *Studies on Russian Economic Development*, vol. 25, no. 4, pp. 362-378. (In Russian).

Woo J. (2009). Why do more polarized countries run more procyclical fiscal policy? *The Review of Economics and Statistics*, vol. 91, no. 4 (November), pp. 850-870.